

АКТРИСА В ОБРАЗЕ

Воспоминания Татьяны Дорониной в «Нашем современнике»

Мария Ремизова

ЭФФЕКТ превосходства «нелитературных» текстов над литературными уже даже не наводит на размышления — все, что можно было сказать по этому поводу, сказано, и сказано много раз. Остается лишь напомнить, что всякого рода мемуары и дневники, сколь бы «объективно» они ни создавались, все равно до некоторой степени остаются в области действия вымысла, поскольку человеческое восприятие подчиняется закону субъективности, заставляющей интерпретировать реальность «с точки зрения» и никак иначе.

«Наш современник» вот уже два года (с перебоями) ведет публикацию «Дневника актрисы» Татьяны Дорониной (начало — в № 4 за 1996, в № 4 за 1998 — еще не конец). «Дневник» в очередной раз опровергает легенду, что актеры — люди немые, зато подтверждает сто раз известное, что они — люди эмоциональные. Ум актера более интуитивного, чем рационального характера и в сочетании с особой чувствительностью к миру способен породить весьма интересные наблюдения — что априорно должно быть известно хотя бы из той интерпретации характеров персонажей, которую они предлагают нам со сцены. Однако же и облеченные в словесную форму эти интерпретации продолжают оставаться интересными, по крайней мере те, что встречаются в «Дневнике актрисы».

Когда Доронина рассказывает про

Татьяна Доронина.
Фото ИТАР-ТАСС

свою роль Настасьи Филипповны у Товстоногова — это маленький шедевр. Здесь все: и восхищение мастером (режиссером), и радость от замечательной игры партнеров (Смокуновский), и преклонение перед шедевром — вот, наконец, можно сыграть настоящую трагедию и настоящую боль! — и размышления об этой боли и этой трагедии, может быть, чуть-чуть женское, эмоциональное. Она сама как будто болит в этот момент, до полной гибели все-рез... И по мне эта взвзвешенная проговоренная Настасья Филипповна дороже иных пудовых монографий записных достоевсковедов, стригущих каждый сезон своего подопечного автора, точно овцу, чтобы потом восседать на мешках настриженной шерсти, словно носители британской короны.

Описывая детство, семью, Доронина рисует атмосферу любви и гармонии, для нее это, видимо, тот источник, из которого она черпает всю жизнь душевные силы. Здесь либо ее такое великое счастье, что ей дана была столь замечательная семья, либо дар идеального (идеализирующего) видения, что само по себе редкость и тоже великое счастье. Но по крайней мере в одной картине она достигает подлинного драматизма, тем более страшного, что речь не о вымысле, а о подлинно случившемся, — это сцена, где ее совсем еще юная мать, взявшись пахать на необъезженном как следует жеребце, хотя до родов ей остался только месяц, не может остановить испугавшуюся лошадь, и та тащит ее за собой по земле, и близнецы, родившиеся у нее прежде срока, не прожигут и одного дня.

Те, кто любит погорячее, будут скорее всего «Дневником актрисы» сильно разочарованы. Доронина сторонится «острых углов», о своих актерских друзьях она сообщает только «существенное» — как играл, как «талантливо» взмахнул рукой... Пишет не отношения — характеры. Недовольна Арбузовым — но как-то неотчетливо, глухо: «жевал губами».

Впрочем, достаточно. Характеристика вполне литературная.

Интриги, сплетни, амур — все остается за пределами текста. Описывает знакомство и работу с Павлом Луспекаевым, и чувствуется, что этот человек не оставил ее равнодушным. Что же в тексте? Признание прекрасных актерских качеств, обаяния личности — и огромного эмоционального заряда описание их дуэта в «Варварах», где героиня самозабвенно, чуть не по-детски топя ножкой, требует любви — получая лишь поцелуй и признание: «нет, я вас не люблю». Доронина наполняет горьковскую пьесу таким эротизмом, который мне без ее помощи не вычитать отсюда вовек.

Читая «Дневник», всякий миг чувствуешь, что перед тобой именно женщина — не вымышленная, не сыгранная — до мозга костей живая.

Преобладание эмоций над рассудком порождает все достоинства и недостатки «Дневника». Пока речь о работе, о детских воспоминаниях — живой, но ровный, в рамках лучших традиций слог. Но вот вспыхивает настоящая перепалка со Смелянским, здесь во всяком случае неуместная. Ощущение какой-то ссоры на коммунальной кухне, когда стороннему человеку и не понять, кто кого и чем обидел, но люди всерьез кричат, оскорбляют друг друга, а потом хватаются за сердце и стаканами пьют валокордин.

Так неразумно ведет себя только женщина, для которой минута и означает — вся жизнь и которая эту минуту переживает так, как будто следующей не будет. Но проходит миг, и она уже другая — спокойная, разумная, будто не гневалась только что на весь мир и от безобразия этого мира не приходила в отчаяние. В этом секрет особого женского обаяния — для тех, конечно, кто понимает.

Независимая газета
- 1998. -
- 18 мая.
- с. 7

18.06.98

Доронина Татьяна